

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ РИСКА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Сергеева Елена Викторовна

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского,
Саратов

Термин *риск* сегодня является неотъемлемой составляющей практически всех видов коммуникации. Э. Гидденс отмечает, что «в условиях современности как для обывателей, так и для экспертов мыслить в понятиях риска и оценки риска стало более или менее постоянным занятием отчасти даже незаметным» [5, с. 119]. Процессы формирования, распространения и обмена информацией о рисках сегодня определяются понятием коммуникация риска [4, с. 235]. Здесь можно выделить два взаимообусловленных аспекта: во-первых, продуцирование и транслирование информации о рисках субъектами коммуникации; во-вторых, восприятие риска и его влияние на поведение граждан.

В идеале этот вид информационного взаимодействия предполагает не только донесение информации до граждан о тех или иных угрозах и опасностях, но и делает возможным максимально конструктивным обсуждение реальных проблем, противоречий и конфликтов в обществе. С нашей точки зрения, коммуникация риска обладает рядом особенностей, понимание которых позволяет определить насколько она способна эффективно выполнять поставленные перед ней задачи.

Во всех концепциях «общества риска» (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман и т. д.) акцентируется внимание на увеличение роли и значения научных знаний о рисках в современный период. Научный анализ риска предполагает сочетание трёх видов знания: теоретического, практического и прогностического.

Таким образом, независимо от научной области, в которой применялся рискологический подход, его цель заключается в формировании корпуса научных знаний, позволяющих выявить, описать, проанализировать причинно-следственные связи между явлениями: проанализировать прошлое и настоящее с целью выявления возможных вариантов развития будущего. Именно в этом контексте мы можем говорить о рисках как о научно обоснованном прогнозе наиболее вероятностных последствиях принятых решений, а не субъективных ожиданиях, религиозных и обыденных знаниях.

В прикладном аспекте использование рискологических знаний имеет общую схему: выявление факторов риска и их оценка; разработка плана, стратегии и тактики избежания/минимизации риска; принятие решений; мониторинг и оценка результатов деятельности. Поэтому в любой сфере жизни общества, где мы рассматриваем процессы планирования, организации и управления человеческой деятельностью на научной основе, мы вполне естественно приходим к понятию риска.

Использование в социальных коммуникациях научного знания о рисках имеет ряд преимуществ, к ним относятся объективность, системность, рациональность, доказательность, верифицируемость и т. д. Сегодня процесс принятия решения уже немислим без аналитической составляющей, научно-доказательной базы, вероятностных знаний о развитии тех или иных событий. Но помимо всего прочего для коммуникации риска большее значение приобретают недостатки научного знания. К последним относятся следующие положения: 1) сложность научного знания, требующая специальной подготовки для его правильного восприятия и возможности применения на практике; 2) относительность научного знания, обусловленная несовершенством инструментария познания, что особенно актуально для социогуманитарных наук; 3) отсутствием единого понимания одних и тех же проблем в научной среде, наличием разного уровня знания, критическая направленность анализа результатов научного исследования; 4) слабость прогностического потенциала, использование метода аналогий для прогнозирования будущего; 5) невозможность избежать субъективности в оценке факторов риска; 6) рискологическое знание одновременно апеллирует и к разуму, и к чувствам, что увеличивает его манипулятивный потенциал.

Специфика научного знания о рисках и его использование в коммуникации приводит к ряду противоречивых последствий для управления коммуникацией риска, которые фиксируются в работах по социологии риска. Их можно обобщить в следующих позициях:

– наличие разнообразных научных и экспертных позиций приводит к их селекции со стороны транслирующих субъектов, что значительно снижает возможность по объективной рациональной оценке реальности и принятию эффективного решения;

– транслирующие субъекты могут актуализировать или, наоборот, замалчивать те или иные исследования, определяя повестку публичной коммуникации и т. д.;

– в процессе коммуникации те или иные рискологические знания могут подвергаться манипулированию: упрощаться, перемещать акценты, замалчиваться часть информации, мифологизироваться, использоваться вне контекста и т. д. Грань между реальной и мнимой угрозой становится практически неразличимой;

– нередко можно наблюдать стремление придать той или иной информации атрибутов наукообразия, возможны и откровенные подтасовки научных исследований (ссылка на липовые социологические опросы, исследования, эксперименты).

Такая ситуация приводит к выводу о сложном и парадоксальном положении научного знания в современном обществе. Так, Г. Бехман отмечает, что, с одной стороны, наука в современном обществе играет всё меньшую роль, поскольку больше никто не верит в её всесильность, с другой – большую, поскольку, она с неизбежностью становится основой политического консультирования и опорой принятия политических, социальных и

хозяйственных решений [3, с. 14]. Это вывод в полной мере касается и коммуникации риска: с одной стороны, это объясняет определённую нечувствительность со стороны общества к тем или иным рискологическим знаниям, а с другой стороны, подтверждает необходимость разработки теоретического и прикладного знания об рисках, механизмах и методах управления риском. Сегодня коммуникация риска во многом представляет собой стихийный и хаотический обмен информацией, который требует выработки определённых стандартов и норм, способных его упорядочить и тем самым увеличить его эффективность.

Список литературы

1. *Арямов, А. А.* Общая теория риска: юридический, экономический и психологический анализ / А. А. Арямов. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 202 с.
2. *Бек, У.* Общество риска на пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
3. *Бехманн, Г.* Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Г. Бехманн. – М.: Логос, 2010. – 248 с.
4. *Вишняков, Я. Л.* Общая теория рисков / Я. Л. Вишняков, Н. Н. Радаев. – М.: Академия, 2008. – 368 с.
5. *Гидденс, Э.* Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // Thesis. – 1994. – № 5. – С. 107–134.
6. *Дуглас, М.* Риск как судебный механизм / М. Дуглас // Thesis. – 1994. – № 5. – С. 242–253.
7. *Луман, Н.* Понятие риска / Н. Луман // Thesis. – 1994. – № 5. – С. 135–160.
8. *Мозговая, А. В.* «Социологическая приемлемость риска» как социологическая категория / А. В. Мозговая, Е. В. Шлыкова // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). – 2010. – № 31. – С. 30–45.
9. *Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты* / под ред. В. Б. Устьянцева. – Саратов: Наука, 2006. – 295 с.
10. *Паршина, О. Н.* Российская политическая речь: Теория и практика / О. Н. Паршина. – М.: Либроком, 2012. – 232 с.
11. *Шатина, Н. В.* Политическое событие как область интерпретации российского экспертного сообщества / Н. В. Шатина // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 1. – С. 217–226.